

Н. ЯНОВСКИЙ

АРСЕНИЙ ЖИЛЯКОВ

Произведения Арсения Жилиякова начиная с 1906 года нередко появляются в периодической печати Сибири. Единственная книга, изданная при жизни автора — «В тихих лесах» (Барнаул, 1918), — содержит всего лишь четыре коротких рассказа и не может дать сколько-нибудь ясного представления о писателе. Обследование газет, случайно сохранившиеся рукописи в архиве А. С. Новикова-Прибоя позволяют теперь, спустя более чем столетия, впервые объединить произведения А. Жилиякова в нечто цельное и взглянуть на весь его сравнительно небольшой творческий путь*.

Арсений Иванович Жилияков родился 13 февраля (ст. ст.) 1879 года в бедной крестьянской семье села Могильного Курганского уезда Тобольской губернии. Рано оставшись без матери, он воспитывался под присмотром мачехи, взлюбившей пасынка. Окончив сельскую приходскую школу, он в тринадцать лет поступает писцом в полицию, затем переводится в канцелярию мирового судьи (в Кургане, в Тюмени). Революцию 1905 года встретил восторженно, и настолько, что в 1906 году был выслан в родное село. Именно с этого времени началось у него, по собственным словам, «пробуждение и обновление», появилась тяга к осмыслению увиденного и пережитого. Отсюда, из родной деревни, и начались его выступления в печати — корреспонденции в газетах «Омич», «Омский телеграф». В 1908—1909 годах А. Жилияков активно сотрудничает в газете «Омское слово», редактируемой молодым тогда писателем Г. Д. Гребенчиковым. За короткий срок — газета просуществовала всего полгода — он опубликовал более десяти зарисовок, эскизов, рассказов и нередко подписывал газету в качестве редактора.

Газета, руководимая писателем, и оказалась по преимуществу литературной. Кроме А. Жилиякова, в ней часто выступали Иван Тачалов, Георгий Вяткин, социал-демократ Илья Модзалевский, А. Сорокин, К. Дубровский и, конечно, сам Г. Гребенчиков, который буквально заполнил всю газету своими рассказами, стихами, очерками,

театральными и литературными рецензиями, полемическими статьями, отчетами о путешествиях и т. п. материалами. Газета еще не успела более или менее отчетливо определить истинное лицо, как была оштрафована и закрыта. Видимо, за один оппозиционный дух, который витал тогда над частными изданиями такого типа.

Первые известные нам выступления А. Жилиякова с художественными зарисовками и эскизами не могут быть признаны вполне удачными. Но тематика их примечательна. Зарисовка с природы «Утром» (1909) — о бедствиях крестьян-переселенцев. В Сибири они не находят того, что искали, потому им свойственны угрюмость, недоверие, настороженность. И «при невольном жесте, — замечает зоркий наблюдатель, — из-под полы сверкает лезвие топора». Это уже нечто новое, не свойственное переселенцам до революции. В эскизе «Мираж» (1909) рассказано о судьбе молодой учительницы, мечтавшей посвятить себя деревне, совершить там подвиг самоотвержения. Но через год после переезда в деревню она обнаруживает в себе непреодолимую тоску по городу, и «мысль о неизбежности в будущем такого же, как вчера, серого существования в захолустном селе» приводит ее в ужас. В ее грезах теперь мелькает горб с его соблазнами и пугает зловещее предчувствие, что отныне и навсегда ей «придется довольствоваться только миражами». В записках одинокого «В объятиях» (1909) рисуется беспросветная жизнь городских окраин: измученного рабочего с женой-прачкой, девочки, роющей на помойке, стариков, занимающихся нищенством... Молодой писатель вглядывается в разные лица дремотно текущей вокруг жизни и ничего отрадного не видит. Таким состоянием души и объясняется, по всей вероятности, тяготение к символическим картинкам, где туманная многозначительность сочетается с безысходностью («Минута», «Старая кадилница» и др.).

Жизненный путь А. Жилиякова сложился трудно: тяжелое детство и ранний непосильный труд, женитьба, оказавшаяся неудачной, ссылка и постоянная угроза остаться без средств. Ко всему этому или вследствие этого присоединилась в острой форме болезнь алкоголизма, она и метала его из города в город. Он работал редактором газеты «Степь» в Троицке, сотрудничал в газетах «Приуралье» (Челябинск), «Пермский край», «Юг Тобола» (Курган), «Курганский вест-

* Автор выражает благодарность вдове писателя А. С. Новикова-Прибоя — М. Л. Новиковой и Литературному музею при школе № 27 в Барнауле, сохранившим архив А. И. Жилиякова и предоставившим мне возможность ознакомиться с ним.

ник», «Сибирская жизнь» (Томск), «Алтайское село» (Новониколаевск), «Алтай» (Бийск) и др. С 1912 года выступает в газете Барнаул «Жизнь Алтая», с 1915 года переезжает в город на постоянное жительство и здесь 17/VIII 1921 года погибает (разбился, упав случайно с третьего этажа).

А. Жилияков принадлежал к писателям-самоучкам, как, например, И. Тачалов. Им во много крат труднее приходилось пробиваться к высотам художественного мастерства, к широкому пониманию событий своего времени. Поражение революции 1905 года они переживали с особенной остротой и с большими для себя потерями. Критический пафос, направленный против царизма, все чаще и чаще отягощался нотами уныния и тоски, мотивами безнадежности в достижении светлых целей в ближайшем будущем. Послереволюционный массовый террор, отчетливо видимый в ссылке-каторжной Сибири, разразившаяся война, лишенная осмысленной цели, полное банкротство правящей самодержавно-бюрократической верхушки с Распутиным в заглавной роли вызвали приступы мрачнейших настроений. Случались и счастливые минуты прозрений, но господствующая тональность творчества — незащищенность положительного героя, трагизм его положения в обществе. За предреволюционные годы (1910—1917) А. Жилияков написал не больше двадцати—двадцати пяти рассказов и зарисовок. Художественное качество их заметно возросло, а содержание в значительной степени определяется названием большого цикла произведений, над которыми он настойчиво работал, — «Во мгле». Еще П. Казанский, лично знавший А. Жилиякова, говорил о произведениях писателя, что «над их героями — мелкими людьми города и деревни, большею частью пришлыми, одинокими и всем чужими, обычно висит какой-то гнет, давит их, не дает выпрямиться, развернуться, а часто и губит». («Сибирские огни», 1922, № 2, стр. 162). Правда, объяснял он эту особенность лишь «гнетом алкоголизма» автора, тем не менее что-то основное в характере предреволюционной прозы Жилиякова охвачено верно. Герои его рассказов — крестьяне, служилая интеллигенция, ссыльные и поселенцы разных категорий — нередко пребывают в состоянии забитости и невежества, разочарований и осознания ненужности, бесперспективности дальнейшего существования или, в лучшем случае, сознательного отхода от общественных дел и забот. Если же среди них и появляются люди необычные, прекрасные, то обязательно это одиночки и участь их — страдать от дикости суеверий среды, непонимания их благородных целей, от тупости властей.

А. Жилияков, прежде чем рассказать о людях и событиях, взволновавших его, погружает читателя в атмосферу старой сибирской деревни, ее природы, ее обычаев. Почти каждый рассказ начинается с поэтической прелюдии, по которой потом он, как по камертону, выверлет в нем все: характер повествования, настроения, мысли...

«Серенький, хмурый осенний день. Мелкий дождь с утра неотвязно стучит по старым стеклам окна и шуршит где-то на крыше» (Во мгле).

«В этот смеющийся теплый солнечный день на Кукарцево надвигалось что-то чуждое, быть может, — враждебное» («В тихих полях»).

«Село так и называлось — Камышное. К северу на восток камыши тянулись бесконечным займищем, и еще деды и прадеды камышценцев считали, что там, где море серых верхушек ка-

мышы сливается с неясной, такой же серой, мглистой линией неба, — край земли, конец света...» («Крик в камышах»).

Нетрудно догадаться по этим кратким «зачинам», в каком ключе будет исполнен каждый рассказ. А если мы прочтем начальную сцену всю, то легко убедимся, что автор в передаче чувств и настроений пластичен, мягок, точен. Сцена наполнена звуками и красками, и в каждом слове-образе бьется отзывчивое, доброе и страдающее сердце рассказчика.

«Уже серело небо, готовясь затянуться сплошными мутными облаками поздней осени.

Бледно-зеленые и багряные листья осинок трепетали на полуоголенных ветвях и, поминутно отрываясь, бесшумно устилали землю пестрым ковром. Холодные, безучастные лучи заходящего солнца пронизывали реденькую группу этих грустных деревьев, и длинные тени их перегибались через пригорок с сухой жесткой травой, пересекали пыльную дорогу и терялись в синеватой дали степи.

Чутко отражался в застывшем прозрачном воздухе и слабый отдаленный шорох, и каждый едва уловимый звук.

Где-то за большим, поредевшим и печальным теперь лесом гулко громыхала телега и крикливо дребезжала тонкими, сорвавшимися с гвоздей досками. Унылая, протяжная песня непрерывно, нескончаемо неслась по оголенному лесу и то затихала, замирая вдали, то высоко взмывала, как волна, приливала к опушке и, звеня, сновала здесь среди редких деревьев.

Опустевшие поля, со смятым, втоптаным стадами, жнивьем, грустно, осиротело серели однообразными, выцветшими полосами, и на этом сером фоне, возле межи с редкими осинками, резко чернел и пахнул холодной землей вскопанный за день загон картофеля.

Безлюдно, одиноко-печально было в осенних полях» («Марьино счастье»).

Заметно, что во всех этих картинах преобладают серые краски, грустные или печальные звуки, подчеркнутая унылость, одиноכותь. И не потому, что перед взором автора вдруг всплывал традиционный образ осени, унылой поры, а потому, что образ этот соответствует дальнейшему содержанию рассказа, всему мироощущению писателя. В рассказе «Одна» обыкновенная канцелярия в большом шумном городе изображается в тех же, если не более жестких, тонах:

«Было тихо и пусто; затхлый канцелярский воздух и молчание казенной обстановки, покинутой людьми, дышали чем-то неуловимым, напоминавшим веяние смерти».

Рассказ в самом деле кончается драматически. Огромный грохочущий город выпил душу молоденькой машинистки и «поглотил ее»; так ненавистна стала ей ее казенная изнуряющая работа, так измучил ее одинокий «будничней, наполненный мелкими домашними заботами угол», что она вопреки разуму бросилась в водоворот празднично-кипящей жизни города. Очевидна антиурабанистическая направленность рассказа, тогда довольно распространенная, но ведь и деревня у А. Жилиякова не выглядела лучше, привлекательней «суеугольного, bestолокового» города, то равнодушного к судьбе человека, то зовущего к себе.

Староверы, которых нередко изображает А. Жилияков, хотя и слыли православными, церковь посещали неохотно, ребят в школу не от-

пускали, убежденные в пагубности гражданской грамоты, всякому новшеству сопротивлялись фанатично, жили представлениями старозаветными, несообразными и даже диковатыми по понятиям нового времени. А когда в старообрядческом селе появился свой же, но необыкновенно пылкий юноша Андрей (рассказ «Крик в камышах»), который хотел много знать, читал гражданские книги, отказывался признавать, что земля на трех китах держится, искал другой, более осмысленной жизни, то его вскоре объявили и порченным, и знающим с нечистой силой. А когда в пустовавшую школу опять — в который уж раз! — прислали новую учительницу и Андрей ревностно начал ей помогать, то сразу полюбились на них, дружных, чистых и светлых, «гнусные намеки и угрозы доносом». Учительница не выдержала — уехала, Андрей же, полюбивший ее, снова, как и прежде, остался одиноким в родной деревне и впервые с такой непереносимой болью в груди явственно услышал тоскующе-надрывную мольбу того неведомого, кто и раньше постоянно кричал здесь из-за камышей.

В рассказе «Марьино счастье» над Марьей, виноватой в том, что ее любили не только парни, но и «чужие мужики», учинена такая расправа, что иначе, как зверской, ее не назовешь. В «Краже» мужиками вершится злобный самосуд над «поселенцем» в основном за то, что он выпадает из привычного для них течения деревенской жизни, непонятен и чужд ей.

Однако А. Жиялков не стремится осудить только самих крестьян. В рассказах у него постоянно виден главный виновник — царизм, реакционная власть, калечащая или уничтожающая жизнь людей за малейшую попытку как-то разобратся в происходящем, что-то изменить вокруг. Любой свет, зажегшийся в глазах людей, был ненавистен и гасился с тупой безоговорочностью. Трагически завершается, например, рассказ «В тихих полях». В обычное мерное течение событий на селе, куда «не доходил гул новой жизни», врывается, как сказано в зачине, действительно нечто враждебное: урядник, грубо попирающий человеческое достоинство, ничем не приметный охранник, осуществляющий гласный надзор за политическими ссыльными, а вместе с ними и вся полицейская машина царизма, обнаглевшая, упирающаяся своей силой и властью.

Политический ссыльный, еще юный Сосновцев, определяется на постой к Трофиму Никифоровичу. Мужики насторожены, повторяют нелепые слухи, строят догадки и предположения, но потом привыкают, особенно сам Трофим Никифорович, заметивший, что Сосновцев открыт и честен, все говорит и делает «от сердца», и не раз «они подолгу засиживались вдвоем». Надзиратель, однако, не дремал. Сосновцев и Трофим Никифорович арестованы и увезены в город, а полюбившая постояльца дочь хозяина Варя повесилась. Психологической мотивировки поведения Вари в рассказе нет, и пока оно воспринимается чисто умозрительно («кстати, такой концовки не было в первом опубликованном варианте — см. газ. «Юг Тобола», Курган, 1912, VI; «Жизнь Алтая», Барнаул, 1912, 19/VII). Видимо, жестокий исход в несколько эгзотическом рассказе потребовался для четкого выделения в нем основного — жестокости мер правительства, их бесчеловечности и правовой несостоятельности. Как бы то ни было, ощутившая извратная доля схематизма во взаимоотношениях Вари и постояльца. Да и

характер самого Сосновцева мог бы быть более емким. Тенденция явно просвечивает в рассказе. Но в те дни она была своевременной, так как только что свершились трагические события на Лене, и свидетельствовала о подлинно гражданской позиции А. Жиялкова. Не случайно почти сразу две газеты напечатали этот рассказ.

Не одинаковы у А. Жиялкова и политические ссыльные. Не все из них ведут себя достойно, способны работать, сохранить себя, свои убеждения. Рассказ «Во мгле» особенно критичен и предвосхищает в какой-то мере повесть И. Гольдберга «Его путь». Трое спившихся ссыльных, как бы хорошо они ни философствовали, сколь бы ни каялись в своих прегрешениях, как бы ни обвиняли «серую мглу действительности», заставлявшую «яркий просвет» и «широкие перспективы», никакого сочувствия не вызывают у читателя.

Политические ссыльные или поселенцы вообще частые герои произведений А. Жиялкова, и мы можем даже проследить, каковы же они в его представлении. Сосновцев спорил с товарищами, делился своими мыслями с крестьянином, работал вместе с ним на полях и сенокосе. Подробней его внутренний мир не рассмотрен, не изучен. Артем из рассказа «Чужие» был сослан в Сибирь лет двадцать назад, не раз сбежал, но неудачно, потом смирился, «привык, прирос к земле», а по существу разуверился. С вновь прибывшим ссыльным студентом он уже не находит общего языка, убежденный, что люди «долго еще не пойдут за вами по слепоте своей», к тому же «каждый из нас слишком любит себя». В этом он видит главное препятствие: «Давно я стал сам по себе. Всегда меня гнали, везде мне не хватало места, и я... Я как будто стал между природой, которая молчит, и людьми, которые много говорят, но редко понимают друг друга». Это уже определившаяся философия, продиктованная линией поведения, а не банальное пьянство от безделья и тоски. Постепенно, углубляясь в характеры, казалось бы, в основном согласных между собой людей, мы постигаем, что нетерпеливый, ищущий студент значительно ближе автору, чем этот Артем, забывший свое настоящее имя.

Лирический герой рассказа «Улыбки лета» предстает в ином качестве. Он сильный здоровый человек, не раз «по воле всесильного краевого сатрапа» ссылавшийся то в одну, то в другую деревню. Часто сбежал и, естественно, вновь попадал в тюрьму. «Ссылка меня несколько не тяготит», — спокойно заявляет он и всего себя отдает лесу, речке, солнцу, отдыхая от перенесенных лишений и скитаний. Его непосредственный рассказ о милой девушке, напуганной в детстве еврейскими погромами, слабенькой, болезненной, но жаждущей всю себя посвятить людям, наполнено светом и сознанием необоримости зреющих в народе сил. Тут примечательна непосредственность, с какой она, дачница, барышня, входит в доверие к Михеичу, деревенскому мастеровому, и быстро обретает его трогательную любовь-дружбу. Умный Михеич почувствовал незаурядность ее природы, ее духовную красоту, ее устремленность в завтрашний день. В спокойной уверенности зрелого политического деятеля, в дружбе порывистой молодости с народной мудростью промелькнула для автора надежда на лучшее будущее.

Именно промелькнула, так как колорит большинства предреволюционных произведений

А. Жилиякова — здесь следует назвать еще «Слезы», «На рассвете», «Большая тюрьма», «Из прошлого», «На постоялом дворе» и другие — мрачен, мглист, сер и часто беспросветен. Для характеристики противоречий в мировоззрении писателя той поры показателен символический рассказ «Большая тюрьма». Символика его прозрачна и не отличается оригинальностью. Измученный голодом человек грезит. Его посещают фантастические образы, в голову лезут разные странные мысли, и он начинает понимать, что весь мир — это большая тюрьма без стен, где «каждый сам себя сторожит». Постоянно голодный, человек навечно прикован к котелку с пищей, и этим определяется его суть. «Мы в тюрьме, которую называют жизнью», — говорит бегущий суетящийся около котелка человек из грез голодного.

Как по характеру творчества, так и по его общедемократическому направлению, А. Жилияков прочно входит в число писателей критического реализма, который определялся в Сибири именами И. Тачалова и В. Шишкова, П. Драверта и И. Гольдберга, Г. Вяткина, Г. Гребенщикова и другими, близкими им писателями. И когда свершился Октябрь, а власть в Сибири перешла к Советам, А. Жилияков мог по праву назвать себя советским писателем — так много думал он о грядущей революции и людях, которые ее готовили. С этого исторического рубежа для него, как и для многих, начался новый, пусть короткий, но чрезвычайно важный период.

П. Казанский, первым оценивший весь творческий путь А. Жилиякова, писал в статье «Две утраты»: «Последние его произведения по художественным качествам стоят ниже более ранних» («Сибирские огни», 1922, № 2, стр. 162). С этим трудно согласиться, если внимательно взглянуть на созданное им за последние (1918—1921) годы.

В июле 1918 года, то есть до колчаковского переворота, А. Жилияков публикует большое произведение «Мирское дело» с подзаголовком «Страницы деревенской жизни». Это было принципиально важное выступление по самому волнующему крестьян вопросу: как жить дальше, по какому пути развиваться? Михаил Лукич, главный герой произведения, воодушевлен идеей кооперации. В образовании артельного капитала он видит средство избавления от капитала кабального, частного. Но артельщики не поддерживают Михаила Лукича, и он, без того необыкновенный для деревни человек — не принимает участия в традиционных гулянках, не пьет хмельного, много думает и мечтает об успехах общественно значимого «мирского» дела, — остается в грустном одиночестве. И эту грусть его разделяет автор, тоже убежденный, что кооперативное хозяйство — верный путь.

Развитие кооперативов в Сибири усилилось в годы первой империалистической войны. Они сыграли значительную роль в вытеснении частного капитала из сельского хозяйства, интенсивно способствовали обобществлению сельскохозяйственного производства и сбыта. Конечно, в условиях царизма кооперативы носили буржуазный характер, но они подготавливали новые средства производства и обмена, могущие быть использованными, по мнению В. И. Ленина, после свержения капитализма (см.: Полное собр. соч., т. XIX, стр. 352). Проанализировать весь ход развития кооперативов в Сибири, напомнив решения на

этот счет VIII и IX съездов партии, авторы «Истории Сибири» заключают: «Таким образом, развитие кооперативов до 1917 года необходимо рассматривать как одну из важнейших социально-экономических предпосылок социалистической революции» (т. 3, стр. 445). Следовательно, не шуточные и отнюдь не прокулацкие проблемы поднимал А. Жилияков на своих «страницах деревенской жизни». Конечно, Михаил Лукич еще не понимал, в какой мере серьезно подорвана в стране власть частного капитала, но он готовил себя и своих артельщиков к известным и понятным для него схваткам. И был тогда в какой-то мере прав: через несколько месяцев в Сибири установится власть Колчака.

Деятнадцатый год, прожитый под пятой колчаковской диктатуры, не мог не сказаться на настроении и взглядах писателя. А. Жилияков еще в большей степени утверждается в своем полном неприятии старого, вдруг вновь вернувшегося уклада жизни — с его отвратительной солдатчиной, урядниками, попами и офицерами, с обывателями разных сословий.

Трудно установить с необходимой точностью даты появления произведений А. Жилиякова, но можно с уверенностью сказать, что в последние годы жизни он написал два подлинно критических рассказа («Яма» и «В притоне»), подготовил к изданию сборник из трех рассказов под общим заглавием «Во мгле», завершил начатую еще в 1916 году трилогию о детстве «У истоков жизни», создал пьесу «Северные зарницы». Писатель переживал безусловный творческий подъем, никогда до этого он не выступал столь уверенно и зрело, с таким гражданским пафосом, с такой убежденностью.

Рассказ «В притоне» сохранился в верстке журнала «Сибирский рассвет». Есть основания предполагать, что он не был пропущен колчаковской цензурой. Ведь совершенно очевидно, что герои рассказа — солдаты из гарнизона, расположенного в городе. Чем примечательны они прежде всего? Крайней степенью духовного убожества, отвечает автор. Вырвавшись на волю из казармы, они не знают, что им делать, как и куда убить время. Затем выясняется, что попасть в злочное место с дешевыми девицами и гульнуть — предел их желаний. Один из них, Боголепов, упившись, признался, что он воровал причастия и с тех пор испытывает «страх перед... бесконечностью», то есть перед завтрашним днем, перед будущим своим; другой, Соколов, — солдат фон без чести и совести, он ошеломляет своей выходкой даже глупую проститутку: уходя, он крадет у нее четвертную кредитку. Самая колоритная фигура рассказа — дьякон, пострадавший за свое «свободомыслие»: он отслужил «панихиду по убиенным 9 января рабочим». Злободневно прозвучал его ответ на обвинение в сознательном свершении поступка «политического характера». «Не знал я, — говорю, — не слышал даже, чтобы религия, заветы Христа, изменялись сообразно превращениям политики». Отслужил, потому что считал это христианским долгом. Возможно, и правда: дьякон не знал, что делал, потому-то и запил, когда «на некое был услан послушанье». А солдатам, убежден автор, знать об этом надо. Но где же им всем — у каждого «душа прорыта» — то равнодушием, то страхом, то собственническим свинством.

Не менее актуальным оказался и рассказ «Яма», опубликованный журналом «Сибирский

рассвет». Известно, как восторженно встретила почти вся интеллигенция России февральскую революцию. Но Октябрьскую значительная ее часть не приняла, а некоторые вчерашние «революционеры» и «демократы» даже заговорили языком охранителей привычного старого мира. Вот об этой городской обывательской интеллигенции и написан рассказ.

Андрей Коронатов, на первый взгляд, неплохой молодой человек. Если к карьере не тянется, то это по молодости; если выжидал и не действовал, то от чистой веры в возможность «приблизить будущее» помимо каких-либо усилий; если слушал городские сплетни, то... невольно; слишком тонки перегородки, отделяющие его комнату от соседей.

Вглядываясь в Коронатова, вслушиваясь в «свистящий шепоток» сплетницы Агафьи, изображенной уже с мастерством, знакомясь со старухой-пенсионеркой, не могущей и дня прожить без Агафьиных новостей, мы убеждаемся, что городок Ковылин в самом деле не более как «грязная, всегда наполненная мутной водой» яма, кстати, действительно украшающая город.

Любовь Коронатова к Ванде, дочери только что приехавшего в город лесничего Стемповского, описана с язвительной иронией. Тут и «тонкие иглы», вошедшие в сердце, и «темнота в глазах», и «болезненная застенчивость», и возвышенный разговор о пьесе Чехова, о времени, когда «небо засверкает алмазами», и «бессонные ночи», когда подкрадывалась подстерегающая мысль: «А что, если все это только чувственное опьянение, распаленное постоянными мыслями о ней!» Словом, перебран весь аксессуар романтической увлеченности любовью сегодня, «кипучим потоком жизни» — завтра, а реальный результат для него всегда один: сплетни Агафьи, животная связь с Агафьей, зловонная яма города, погрязшего в пошлости и цинизме. Коронатовы, благополучные, пусто мечтающие интеллигенты, не способны упорядочить даже собственную жизнь, где им подумать о других!

Рассказы из цикла «Во мгле» вовремя напомнили читателям о мерзостях старого мира. Мещанин, озверевший собственник, не останавливается перед убийством отца, который, не ведая того, отдает цыгану хомут с запятанными в нем деньгами («Беда на Загонной улице»). Поручик Иванушев, кровавый усмиритель рабочих, спивается от сознания гибельности своего жизненного пути, от страха перед ответственностью («Братья»). Пристав, палач, женщина и развратник, требует от такого же, как сам, мерзавца извиниться за пощечину, отвешенную проститутке. Гнусная игра в гуманность, в соблюдение приличий в неприличном месте и неприличными средствами («Пощечина»).

Социальный аспект рассмотрения действительности и ранее не был чужд писателю. Здесь что ни портрет, то социальный тип, данный в живых человеческих связях, экономно и сочно. Даже денщик Шуткин, лицо в рассказе «Братья» не первостепенное, есть обобщение обезличенности мужика-солдата, доведенного муштрой до idiotского состояния. Замызганный мундир, выжидательно-угодливая бороденка, торопливый бабий говорок и тупая неразмышляющая покорность составляют суть его внешнего и внутреннего облика. На окрик — «очевидный ты, братец, дурак!» — «Шуткин часто заморгал ресницами,

словно собирался заплакать, потом сделал тяжелым, неуклюжим сапогом па и, суетливо двинув локтями, побегал на кухню». Как бы ни разделяло их положение в обществе, они, поручик и денщик, братья по духу, и покорность такого рода, утрата человеческого достоинства, раболепие имеют оправданий в глазах писателя. Пристав, поручик, денщик, мещанин-убийца — на каждом из них печать разложения господствующего класса в канун революции. Характерно, что в этих рассказах, несмотря на жуткие, мрачайшие события, в них изображенные, нет теперь авторского отчаяния или тоски, только пафос обличения, жестокого и бескомпромиссного. Как и прежде, почти каждый рассказ — миниатюра, но нет в них теперь эскизности, недосказанности, скороговорки, все подчинено характеру, объяснению его истоков, анализу состояния души. Савелий, убиравший отца, не от рождения жесток. Акимыч тоже ведь всю жизнь прожил ради вещей, гордился нажитым домом, хозяйством. Через внутренний мир Акимыча, ограниченный собственничеством, постигает читатель характер его сына Савелия, человека угрюмо-одинокого, нелюдиного, жадного. Едва ли не впервые в жизни умирающий Акимыч проявил слабость — даром отдал цыгану старую, не нужную ему хомутину и по логике господствующих в его среде социально-нравственных устоев поплатился за это. Эту закономерность, воплощенную в емких реальных характерах, и стремится подчеркнуть писатель в книге «Во мгле».

Автобиографические главы о детстве «У истоков жизни» П. Казанский справедливо назвал «прелестной трилогией». В самом деле, это одно из поэтических произведений А. Желякова, неоспоримое свидетельство незаурядности его таланта. Просто, с подкупающей искренностью рассказано о событиях по преимуществу горьких — о первых бедах и расставаниях, — но в них все пронизано светом, радостью бытия, надеждами. Тот оптимизм, который нет-нет да пробивался в произведениях А. Желякова, здесь заполняет едва ли не все страницы. Родная деревня, ее люди, природа, отец, такой незабываемый, — все овеяно любовью и нежностью, детской верой в несокрушимость добра. На переломе эпох рождался новый писатель, воодушевленный жизнеутверждающими идеями века.

Об этом же свидетельствует пьеса «Северные зарницы», последнее, над чем работал А. Желяков. Она во многом несовершенна и относится к обычным агитационным произведениям двадцатых годов. Но тема ее — революция, действующие лица — рабочие, основное событие — демонстрация трудящихся небольшого провинциального городка, их столкновение с полицией. Идет 1906 год, наборщики и сотрудники газеты «Северные зарницы» готовятся на перамайскую демонстрацию, но в редакцию врываются жандармы и печатают типографию за опубликованный в газете призыв «Все на демонстрацию!» Третья картина в рукописи не сохранилась, но вторая заканчивается словами рабочего-сторожа, заменяющего и редактора и издателя, которые уже сидят в тюрьме: «Заполыхали наши зарницы!» А. Желяков закономерно шел к освоению новых, революционных тем.

Жизнь и творчество Арсения Желякова — приметная и своеобразная страница в истории литературы Сибири.